

Через несколько дней на объекте в Марьиной Роще творилось непонятное действие, в котором участвовали решительная Люся и ее верный болельщик Петя. Перед ними стояла цветочная ваза, заполненная жидкостью, лежали несколько вылущенных из упаковки шприцов, Петя длинной рейкой помешивал воду, ждал, пока успокоится воронка. Люся осторожно, задрвав иголку и постукивая по цилиндрику пальцем, выпускала из шприца воздух. На половине стола группировались бутылки с напитками: от дорогого коньяка до пластиковых недопитых емкостей с газировкой — в краске и варварских отпечатках.

— Вредительство какое-то, — опасливо говорил Петя. Заслуженный болельщик был невысок, крепок и не сводил с Люси хитроватых преданных глаз. — Рука не поднимается на такое богатство.

— Как морду людям бить, — огрызалась Люся, — рука без проблем поднимается.

— Морда — дело простое. А тут фишка подсудная: не дай бог — отравим кого-нибудь. Еще добро портим. Знаешь, сколько это стоит?

— Знаю, знаю, — отрезала сосредоточенная Люся.

Она с усилием проколола винную пробку и выпустила жидкость из шприца внутрь бутылки. На поверхности вспенились красные пузырьки.

— Заметно будет, — сказал Петя.

— Ничего, уляжется.

Они подождали. Улеглось. Пузырьки по одному, разрушив образовавшуюся пирамидку, спустились на поверхность и с раздражающей медлительностью лопнули. Петя поднял бутылку и слегка взболтал.

— Осадок есть какой-то.

— И ладно. Найди вино без осадка. — Люся постучала ноготком по этикетке. — Все в гараже каком-нибудь разливают.

Петя опасливо лизнул рейку и сплюнул.

— Тьфу! Мне кажется, привкус все равно. Известкой отдает какой-то.

— Воздух известкой пропитан. — Люся демонстрационно обвела рукой комнату, губчатые стены и пакеты с цементом, прикрытые в углу полиэтиленовым мешком. — Что ни возьми в рот — на зубах скрипит...

Петя вытер губы.

— А ты дозировку знаешь?

— А что же я, — провозгласила Люся с торжествующей уверенностью, — зря три месяца в больнице пролежала? Насмотрелась. И дозировку знаю, и еще... тонкости.

Ее радость, что неприятный опыт удалось наконец-то применить во благо, вызвала у Пети привычное восхищение.

— Ты, оказывается, опасная женщина, — проговорил он влюбленно.

Люся естественно нежилась в приятной Петиной энергетике.

— А как же.

Она взяла пластиковый баллон, повертела, примерилась шприцем и нахмурилась.

— Крышка не проколется.

— Не проколется, — подтвердил Петя.

— Что ж делать?

— Эх, — процедил Петя со снисходительной усмешкой. — Дилетанты...

Он молодцевато, давая Люсе насладиться зрением своей умелости, отогнул край этикетки и всадил шприц в пластиковый бок. Газировка вскипела. Петя неторопливо вынул изо рта резинку, осторожно залепил отверстие от шприцевой иголки и вернул этикетку на место.

— Все-то тебе объяснять, — произнес он нежно. — Ловкость рук! Думаешь, я только по морде? Нет... я универсал... и головой соображаю.

Люся, бросив благодарный взгляд, оглядела поле битвы.

— Кажется, все, — сказала она, промокая пальцы монастырским платочком с вышитой буквой «л». — Только следы преступления убрать. Вазу, вазу вылить!

— Зачем? — удивился размашистый Петя. — Пускай все спят. Поставят они в вазу цветы — цветы тоже заснут.

Люся обдумала предложение.

— А если цветы первыми заснут? Они заподозрят чего-нибудь.

— Они смотреть-то по сторонам не станут, — возразил Петя.

Люся настаивала:

— Нет, надо.

— Ты страшная женщина, — проговорил Петя довольно, расплываясь в кривой улыбке, как счастливый крокодил. — Такую подлянку подруге готовишь. Мужики никогда... снотворным травить... в такие минуты... — Ему что-то представилось.

Люся рассердилась.

— Я — подлянку? А что она задумала? — Она задышала тяжело, задергала ноздрями, и стало видно, как непросто ей далось сегодняшнее решение. — Я... слов не подберу цензурных, чтобы в рамках! Тьфу, гадость! Твой же друг от этого пострадает, а ты разжалобился — подлянку...

Петя вздохнул. Он не верил в эффективность метода.

— Ну, если они для себя решили... Один раз — заснут... в другой раз трезвые будут. Разве удержишь.

— Может, просвет у нее будет, — проговорила Люся озабоченно, закусив губу. — Может, одумается... Она же нормальная девчонка. Гадость какая... Свидание... собственному,

можно сказать, папе... он ведь ей почти родной.

Тьфу!..

Завозился ключ в замке, влетела Вита — благодущная атмосфера в комнате сменилась тягостным напряжением, а два заговорщика единым махом ликвидировали с открытого места следы деятельности.

— Вы... тут? — сказала Вита, расхаживая в мокрых туфлях по комнате, глядя в лица приятелей и не видя их выражения, — иначе ей бы показались неестественными плутовские физиономии.

— Уходим. — Люся спрятала глаза и неловко присела, чуть не сделав реверанс. — Сейчас... сей момент.

— Сейчас, — подтвердил Петя.

Вита — в пальто из рябщей в глазах буклированной ткани — опустила на диван, стоящий среди комнаты и накрытый поверх полиэтиленовой пленки одеялом.

— Как я выгляжу? — спросила она.

— Потрясающе, — выпалила Люся, не раздумывая.

Вита принялась ломать руки.

— Боюсь... волнуясь, — проговорила она и велела: — Идите.

— А ты прими, — предложил Петя от широты душевной, источая доброту. — Чуток — для храбрости.

— Да, — согласилась Вита, но встрепенулась. — Нет... В горле пересохло...

— Водички выпей. — В Люсиных руках услужливо возник стакан.

Она свернула пластиковую крышку, не подверженную проколам, и, присев рядом, заботливо напоила подругу.

— Мы пойдем, — сказала она преспокойно, убедившись, что ее миссия выполнена, и привычным жестом отличницы разгладила юбку. — Петруша... уходим.

Оба растаяли. Вита, оказавшись одна, сбросила пальто, оставшись в коротком, плохо сидящем на ее беспокойной фигуре платьице. Нервно ходила вдоль окна, вздрагивала от шорохов в подъезде, потом села на диван, сбросила туфли, склонилась к подушке и легла. Через несколько минут она спала, слегка похрапывая.

За входной дверью, которую заговорщики оставили незапертой, возникло движение, и Павел Сергеевич негромко выговорил:

— Здесь, что ли?.. Ни одной таблички нет, без номеров вообще...

В ответ Иван Кириллович равнодушно сказал:

— Веник ты, Павлуня, сочинил... шизофренического какого-то цвета. Ладно, ирисы еще... Но

сиреневых гвоздик не бывает в природе. В чернилах выдержали. Знаю эти заморочки... Мичуринцы доморожденные. Я их где-то понимаю. Сам так же кручусь, кульбиты выделываю. Но не факт, что покупать надо такой караул. Хотя... язык цветов... сразу говорится: оставь надежду...

— Не то, — сказал Павел Сергеевич раздраженно. — Она говорила как-то... что ей при влюбленности сиреневые цветы мерещатся... или нравятся. Это как знак. Я ей букет отдам, в смысле, что оценил... мы с тобой квартиру посмотрим, мол, дизайном интересуемся... и свалим. Она поймет... без обид. Только не оставляй меня.

— Слишком тонко все, — пожаловался Иван Кириллович. — Женщины, даже если в детсадовском возрасте, такую тонкость за слабость принима...

— Тихо, — одернул его Павел Сергеевич. — Пошли.

Они потоптались в дверях.

— Вита! — негромко позвал Павел Сергеевич. — Викуша!..

— По башке бы не дали, — поежился Иван Кириллович. — Потом очухаешься на хлопковой плантации... слышали анекдот.

Но он не смотрелся испуганным. Приятели прошлись по коридору, заглянули в комнату, и Павел Сергеевич округлил глаза от удивления.

— Ви!.. — воскликнул было он, но Иван Кириллович спокойно одернул:

— Тихо. Разбудишь.

Пока Павел Сергеевич, переваривая поток эмоций, стоял в дверях, Иван Кириллович осмотрел комнату, наклонился над Витой, прислушался к ее мурлычущему храпу, принялся, устроил смотр бутылкам.

— Твои проблемы разом и разрешились... — проговорил он. — Ставь свой веник в вазу, быстренько гляди на дизайн — или куда ты хотел посмотреть — и потащились восвояси.

— Но... что с ней? Разбудить надо.

Иван Кириллович взмахнул пятернями, точно собирался взлетать.

— Боже сохрани. Никого не надо будить. — Что-то легкое с раздраженным шорохом оттолкнулось от его огромного ботинка и врезалось в стену. — Шприцы под ногами хрустят... это притон какой-то, тут нарки обитают. — Он заглянул под диван. — Я ничего про Витку не хочу сказать, но ты бы ее того... лучше к доктору отвел. А то, говоришь, дизайн у них? Творчество? Знаем мы это творчество...

— Спит, — проговорил Павел Сергеевич ровно, констатируя факт, но не делая выводов.

Иван Кириллович сердито отобрал у него букет и поставил в вазу на окне, воткнув вертикально, как лопату в грядку.

— Чудненько. Она, похоже, на этом шизофреническом оттенке сдвинулась. Лечить надо, друже. А не топтаться вокруг с козлиной глупой мордой. Любовь — болезнь. Это сейчас в Европе установили. — Он вздохнул. — И я тебе, как пострадавший, подтверждаю.

— Вань. — Павел Сергеевич снова сморщился и тихо попросил: — Ты того... иди?

— Сейчас, — ответил друг и не двинулся с места, выразив готовность оставаться вплоть до любого разрешения ситуации.

— На минуту, Вань, — попросил Павел Сергеевич. Он пребывал в некой прострации. — На десять минут. Внизу подожди. Ну, мужик ты или нет? У меня, может быть, никогда в жизни ничего подобного не было и не будет...

Иван Кириллович, отметив возникшие осложнения, бесцеремонно плюхнулся на диван, где спала Вита, но та не пошевелилась.

— Никуда не пойду, — сказал он. — Только вместе с тобой. Что ты думаешь, я Виноградову подставляю? Подраться? — Он потянулся и сложил из пальцев внушительную дулю. — А что, давай подеремся. В самый раз помещение. Бить-ломать все равно нечего. Давно я кулаки не чесал. — На лице изобразилась агрессивная мечтательность. — Иной раз так хочется, Павлуша... так тянет в торец кому-нибудь заехать... За все хорошее. Не волнуйся, она не проснется. Ей часов десять еще нужно, чтобы очухаться.

— Гад ты, — сказал Павел Сергеевич. — От тебя... не ожидал. Уйди ты, ну уйди... да убери руки!..

Иван Кириллович отступил, распахнул куртку, вытянул мобильник из-под свитера и набрал номер.

— Алло, Виноградова! — позвал он весело, и Павел Сергеевич застыл, как осаленный ребенок в детской игре. — Ничего... я твоему трубку дам... мы рядом с магазином, а он забыл, чего для дома покупать... ладно, да... даю.

И он сунул телефон тяжело дышащему Павлу Сергеевичу. Тот рассеянно принял трубку, сник и осунулся.

— Хорошо, — сказал он дрожащим голосом. — Холодно... замерз я. Не-нет... уже идем. Скоро будем...

Он и в самом деле поежился, отвернулся и сунул Ивану Кирилловичу обратно мобильник.

— Прошло помрачение разума? — осведомился Иван Кириллович и убрал телефон. — И чуд-

ненько. Мало чего у кого в жизни не было. Кре-тин... судьбой обделенный... умом, умом тебя природа обделила! Поманили пальчиком — и растаял... тряпка. Спасибо скажешь...

Павел Сергеевич не отвечал, не сопротивлялся и покорно дал себя увести. Закрывая входную дверь, Иван Кириллович нахмурился.

— Как запирается эта хреновина?.. Оставишь девчонку одну — сейчас местные гастеры полезут... им спящая девчонка как пряник... об этом бы лучше подумал... а не о том, чего у кого не было... Мой заместитель поднимался на Эльбрус пешком! Я же волосы на заднице не рву — что было, что не было...

может, у меня не было — знаешь чего?..

Он все-таки исхитрился и защелкнул дверь, а спящая Вита осталась в квартире одна.

Через несколько дней Иван Кириллович, удачно выполнивший свое предназначение, забрал крокодиловый портфель и вернулся в лоно семьи, а в квартире установилось общее уныние, созвучное настроению погруженной в депрессию Виты. Она даже не замечала, что царит вокруг. Между всеми было что-то неприятное и недосказанное, Наталья Борисовна прятала глаза, Павел Сергеевич подолгу задерживался в институте, хотя все знали его расписание и понимали, что его отсутствие не объясняется работой. Виту бросало из приступов мучительной надежды в отчаяние, она не могла разговаривать, голос беспричинно дрожал, незначащие ситуации вызвали у нее затяжные приступы слез. Когда становилось нестерпимо, она надевала наушники, отгораживалась от контактов и уходила в себя, делая вид, что ее занимает отсутствующая музыка, впитывая вместо звуков глухую тишину. Она чувствовала себя безнадежно униженной, растоптанной, ненавидела Павла Сергеевича, ненавидела себя за то, что у нее хватило силы воли с гневом выбросить принесенные Павлом Сергеевичем цветы, которые, как назло, стояли в вазе на объекте в неприкосновенности, нетронутые увяданием, словно какое-то дьявольское приношение, наделенное порочным свойством вечной молодости. В другое время она бы поинтересовалась заветным рецептом пропитки растений, найденным ушлыми ларечниками, но сейчас ей виделся в издевательски сохранных цветах зловещий символ, напоминание, что охватившее ее чувство — неестественно так же, как искусственно продленная молодость цветов.

С Натальей Борисовной Вита предпочитала не пересекаться — приходила незаметно, уходит тихо, появляясь в кухне, когда мамы там не было, — но когда Наталья Борисовна сама переступила порог ее комнаты, выхода не оставалось. Вита неловко изобразила что-то за компьютером, но пальцы не попали в нужные клавиши — а мама, зайдя за монитор и прислонившись к подоконнику, смотрела на Виту с такой печалью, что имитировать деятельность было бесполезно. Невыносимые мамины глаза заставили Виту смешаться; пытаясь ухватиться, как за спасательный круг, за пустяковые детали, она заметила на воротах маминой футболки крупное пятно, протянула к нему умоляющие руки — точно боялась, что пятно, повинувшись закону подлости, исчезнет. Наталья Борисовна осталась безучастной, не реагировала на Витино движение, и та с утрированной заботой отчищала высохшую кляксу, сделав вид, что этот труд занимает ее всецело.

— Вот, — произнесла Наталья Борисовна ласково, но голос у нее был негнувшийся — деревянный, — как будто среди возможных модуляций ей остался единственный тон. — Дожили, не я тебе, а ты мне отчищаешь... — Она, сделав усилие, постаралась улыбнуться. — Ты, когда маленькая была, слюнявчик не любила. Кофточки были заляпаны...

— Я грязнуля была? — спросила Вита, почувствовав упрек.

— Да уж. У Галки, соседки, сынок был уникальный — мальчишка, а грязи не выносил. Как пятнышко, сразу в крик — переодевать.

Вита прилежно трясла мамин воротник, но пятно благодаря ее усилиям только увеличивалось в размерах.

— Кто теперь этот уникум? — спросила она. — Балетный танцор?

— Не знаю... Нет... Экономист, что ли...

— А-а-а...

Наталья Борисовна пыталась освободиться, но Вита держала ее крепко.

— Подожди... постирать надо... — Она обрадованно, что придумалось занятие, предложила: — Давай постираю?

— Потом, — сказала Наталья Борисовна освободилась и взяла Виту за руку. — Доченька...

Вита вздрогнула, а Наталья Борисовна запнулась и замолчала.

— Доченька, — повторила она с отрешенной горечью. — Я же все понимаю...

Вита опустила голову и мысленно полетела в пропасть.

— Подумай хорошо, — продолжила Наталья Борисовна. — Может, помнило что-то... в юности бывает. Иногда, понимаешь, за минуту жизнь выбираешь. Кто знает, как сложится? Может, судьба. Хочу, чтобы ты знала: я все сделаю для твоего счастья. — Ее лицо исказилось, и покатались слезы, некрасиво подчеркивая морщины. — Не начинай только с гадостей... вранья. Потом удари сильнее. Если надо, я уйду... вот, комнату отсудим... живите... Если надо — останусь... при вас буду, лишние руки понадобятся. Пойми основное... если получится, я знаю: любовь, близость — не это главное. Главное другое...

Вите — с пакостными подробностями, рожденными воспаленным воображением, — представилась ситуация, когда она в квартире с Павлом Сергеевичем одна, без мамы; в результате нахлынул не восторг, а ужас. Ее потянуло, как в детстве, распялить рот, ткнуться в мамин живот и зареветь — пожаловаться, посетовать на унижение... но сейчас она видела, что мамино унижение страшнее. Все, на что ее хватило — по-козлиному, упорно, замотать головой.

— Нет, нет, — забормотала она, но Наталья Борисовна стиснула ее руку.

— Важный вопрос, — сказала она. — Я же не к тому, чтобы ты оправдывалась. Подумай как следует.

Приняв Витину жалкую гримасу за выражение физической боли, она поспешно отпустила руку. Неловко погладила Виту по макушке, поцеловала и ушла, оставив дочь на дне пропасти.

Вита погибала от стыда. Спрятаться, зарыться, уйти под землю — рефлекс при отключенном сознании потянул ее на разборку паркета, и сознание поспешно возвратилось, напомнив, что на четвертом этаже до земляного укрытия далеко.

Наталья Борисовна, высказавшись, избегала оставаться с дочерью, опасаясь возможного решения. Вита слышала, как в коридоре мама со скрипом давно не смазанных колес выкатывает сумку, и подумала, что с Павлом Сергеевичем — доведись им жить вдвоем — колеса оставались бы скрипучими. Потом Наталья Борисовна ушла, Вита облегченно выдохнула и сосредоточилась, собирая рассыпавшиеся мысли, но минут через десять явился Павел Сергеевич, вызывая подозрения, что он банально караулил домочадцев за углом. Вместо того чтобы раздеться, не маячить и спокойно обедать, он позвал Виту:

— Пойдем поговорим. Давно что-то мы не разговаривали...

Вита смиренно явилась. После маминого монолога разговор с глазу на глаз с объектом вожде-

ления уже не пугал. Павел Сергеевич по-прежнему стоял в куртке и ботинках, опустив плечи, не раздеваясь.

— Пойдем-ка на улицу, что ли. — Он страдальчески поморщился. — Погода хорошая...

Вита, вздрагивая от неприятного ощущения, оделась и покорно пошла за ним. Говорить было не о чем. Ей все казалось, что он отчитает ее, как плохую студентку — и, резюмируя, поставит двойку за плохое поведение.

Вышли на улицу, Павел Сергеевич огляделся. Вита заплетающейся поступью едва не налетела на него, когда он остановился.

— Вон, — обнаружил он пустую скамейку на детской площадке. — Пошли посидим.

Они сели у пластиковой горки, он вытянул ногу и пошевелил носком ботинка.

— Устал что-то сегодня... — произнес он задумчиво. — Вечные мозоли с моей походкой.

Вита посмотрела прямо в угреватое лицо Павла Сергеевича и обнаружила, что ей уже не стыдно. Перед ним она виновата меньше, чем перед мамой. Ненависть к унизившему ее мужчине прошла, заместившись пониманием, что Вита готова просидеть с ним на скамейке всю жизнь. И что ее готовность безнадежна.

— Давай без обид, — проговорил он, старательно высматривая что-то в набежавшей на соседний корпус туче. — Мы взрослые люди.

У Виты сжалось в груди.

— Молчишь? — раздельно произнес Павел Сергеевич. — Думаешь, мне самому весело? Я вообразить не мог... что так придется. Дура-ацкая ситуация...

Он побарабанил пальцами по кожаной папке с обтрепанными углами.

— Давай, знаешь, возвращаться к норме. Ничего у нас быть не может, сама понимаешь.

— Ничего... — убито повторила Вита.

Он сердито замахал руками, отворачиваясь.

— Ну!.. А что?.. А как?..

Балованный мопс подбежал к его ноге и стал весело, покачивая завитушкой хвоста, тереться о ботинок. Вита смотрела на собаку и не понимала, отчего складчатому уродцу позволено больше, чем ей. Павел Сергеевич тоже обнаружил мопса, но думал о другом.

— Знаешь, — сказал он. — Я в детстве был жирный... невезучий. И несчастный очень. Никто на меня внимания не обращал. Я ж подумать не мог... — Он не закончил.

Хозяин собаки, со щегольским поводком в руке, терпеливо ждал, пока любимец натешится. Витин телефон зазвенел в кармане пальто. Она

вздрогнула от предчувствия очередной неприятности и взяла трубку. Номер звонившего был Петин, но говорила Люся.

— Витк! — возбужденно затараторила она. — Послушай, плохо с Максимом.

— Что? — содрогнулась Вита.

— Я не знаю, что делать. Он у Пети, весь пьяный, завалился... он на машине приехал, машина внизу стоит, у него документы в кармане...

— Пьяный? — удивилась Вита фантастическому сообщению. Не знай она Люсю, могла бы заподозрить идиотский розыгрыш. — Точно на машине?

— Не знаю, может, он ее руками принес! Машина во дворе, документы в кармане.

В трубке захрипело, захрюкало, послышались уличные звуки.

— Битая? — ужаснулась Вита.

— Кто?

— Машина, говорю, битая?

— Нет. Петя смотрел, говорит... целая машина, Петь? Целая, нормальная машина.

— И... что делать?

— Не знаю, что делать, приезжай! — категорически велела Люся.

Вита отключила звонок.

— Что, что такое? — забеспокоился Павел Сергеевич, расправляя плечи и довольствуясь переходом к теме, которая позволила ему выглядеть не так глупо.

— Надо ехать, — констатировала Вита коротко.

— Куда еще?

— К Пете. В Кузьминки. Там Максим.

Павел Сергеевич шумно вздохнул.

— Да, — сказал он. — Только Максима нам недостает.

Вита поднялась, сознавая, что жизнь, которую она бы просидела с Павлом Сергеевичем на скамейке, кончилась. Предстояло решение других проблем. Необходимость смотреть в глаза Максиму, Люсе, Пете... вызывала тошноту, но с другой стороны — Вита чувствовала облегчение, что нашлись заботы.

— Чего? — спросила она машинально.

— Нет, ничего. Звони, если надо будет.

Вита побежала к метро. Через час, после сутолоки, свалки, вагонной духоты с запахами пота, нафталина и дешевых одеколонов, она была у Петинной многоэтажки. Люся с Петей беспорядочно рыскали вокруг подъезда, не разбирая клумб и газонов, вызывая тревогу у проходящих граждан и заставляя их озираться по сторонам: не происходит ли чего.

— Где, что? — спросила запыхавшаяся Вита.

— Наверху, спит, — выпалила Люся. — А тачка эта... вот... — Она указала на внушительный джип, загородивший дорогу. — Не знаю, как он вел.

Все трое уныло обошли автомобиль, рассматривая блестящие бока и пытаясь проникнуть взглядами за густую тонировку. Машина казалась невредимой, помпезной и дорогой. Вита поняла, что Люся с Петей, курсируя вокруг железного подкидыша, опасались в первую очередь, что кто-нибудь из местной гопоты сочтет появление распонтованного чужака за личное оскорбление и нацарапает гвоздиком пару слов... или шину проколает.

— Надо ж его обратно, — сказала Люся. — В автосервис. Я ему говорю: садись. А он...

Петя замахал руками и задергался, как припадочный. Предложение взяться за руль джипа испугало бесстрашного драчуна не на шутку.

— Вы что? Добро бы по пустынному шоссе. Сейчас в городе черт знает что творится. — В доказательство он ткнул в сторону улицы, забитой ползущими огнями фар и красных тормозных светлячков. — Я же сказал — как права мне дали, я за руль с тех пор не садился. Разобью этот драндулет на раз — кто расплачиваться будет?

— А надо? — спросила Вита, не представлявшая особенностей отношения Максима с работодателем. — Может, пусть здесь? Может, хуже неприятности?

— Ничего, у ворот сервиса поставить, отбредается как-нибудь: скажет, выкатил потому-то и потому-то. А если оставить...

— Эвакуатор?.. — рассудила Вита вслух.

Незнание Максимовых реалий виделось ей очередным упреком — камушком в огород, где уже высилась гряда от прочих прегрешений.

— Эвакуатор лучше, — сказал Петя, успокаиваясь. — Если у сервиса сгрузить, к воротам я его уж как-нибудь пригоню... а там, в самом деле...

Они еще раз обошли джип.

— А если на тресе? Не помнет эвакуатор? Хряснет вон — об забор...

— Говорю же, вести надо! Вот девки бестолковые...

— Эвакуатор денег стоит, — сообразила практичная, но небогатая Люся. — У тебя что? У меня двести рублей, и ни копейки... Петь, у тебя деньги есть?

Заслуженный болельщик тоже не отличался обеспеченностью.

— Откуда, — посопел он. — Я только за телефон заплатил...

— А дома?

— Не.. родители в доме не держат.

— А у Макса в карманах?

— Не знаю. Может, в карманах, да не свои! Хватится, а мы виноваты. И вообще: кто его обыскивать будет?

— А у соседей?..

— Подождите, — сказала Вита.

Она сунула руку в карман, но ни денег, ни кошелек не нашла, потому что, выходя на зов Павла Сергеевича, думала, что отлучается ненадолго. Лег в пальцы только незнакомый предмет, в котором удивленная Вита через секунду опознала коробочку с серьгами. Подарок Алевтины Андреевны — если можно беззастенчивую плату за сына назвать подарком. Выкуп.

— Ух ты!.. — воскликнула Люся, любуясь, как электрический свет блестит, скользя по граням камней и переливаясь. — Красота какая!..

— Чертовых денег стоят, — отметил Петя.

— Хватит на эвакуатор?

— Ты что? — взывала Люся. — Да знаешь, на сколько они потянут? Жалко!

Вита категорически покачала головой.

— Не жалко. У меня больше ничего. Ну, в скупке где-нибудь по дороге...

— В скупке копейки дадут! Ты что, Витка, жалко же такие!..

Вита с невольным воспоминанием о величественной повадке Алевтины Андреевны вложила коробку в Петину руку. Вопрос казался закрытым.

— Пошли вызывать... У тебя книга есть телефонная?

Они, теснясь в ободранном крошечном лифте с сожженными кнопками, поднялись в квартиру. Пока Петя с Люсей листали телефонную книгу, Вита поискала в темных комнатах — и в Петинной обнаружила неподвижную гряду, отдающую спиртным перегаром. Большое тело лежало в неудобной позе, с подломленной рукой, и тяжело, со свистом, страдальчески дышало. Свидетельство жестокости к этому невинному человеку было так красноречиво, что Вита пожалела его даже сильнее, чем маму. Она осторожно протянула руку, погладила Максима по каляным, как проволока, волосам, и получила невнятный ответ из глубин пьяного сна.

— Макс, — проговорила она чуть не плача. — Прости меня... всем плохо... Я такая сволочь, Макс...

Отдав коробку с серьгами без шанса на возвращение, она видела себя, отчалившей от берега с обломками, гарью пожаров и следами побоища. Назад пути не было, предстояло проститься с мечтой о Павле Сергеевиче. Она была уверена в

одном: она обязана была выручить Максима — а значит, поступила правильно.

Петя встретил эвакуатор, повез машину, Люся осталась дожидаться Петю, а Вита засобиравалась домой. Оказавшись на улице, она не сразу поняла, в какой стороне станция, и ей пришлось спрашиваться у прохожих. Было уже темно, закончился рабочий день, и людской поток хаотично двигался навстречу, от метро, не соблюдая правил правостороннего движения. Вита сперва лавировала зигзагом — а потом ей надоело, и она зашагала прямо, подняв голову и ни на кого не глядя. Эта уловка помогла — ей освобождали путь, а перед Витиными глазами оказалась полная луна; всю дорогу Вита смотрела в лунные глазницы, которые холодно и зловеще нависали над городскими крышами. Вита чувствовала отчаяние и внезапную ненависть — к себе, к своим глупым бредням, к луне с ее мертвенным светом, — и, печатая шаг каблуками сапог, неслышно выговаривала небесному согладатою:

— Взяла, проклятая? Не буду, не буду, не поддамся. Я сильнее, я сильнее, я сильнее. Ты всего лишь череп — я не твоя, не твоя, не твоя. Я победила, ясно?

Люди пробегали мимо — кто-то говорил по телефону, кто-то устало смотрел под ноги, кто-то недоуменно косился на перекошенное Витино лицо. Только луна преследовала ее, преодолевая препятствия, огибая кроны полуоблетевших деревьев, рекламные щиты, фонарные столбы и провода. Луна была врагом, который после долгих прятков вышел на поединок — один на один. Враг, летя в вышине, следовал за Витой и не сводил с нее мертвых глаз. Эти глаза наплывали и притягивали, стремясь проникнуть в душу и преодолеть защиту из слов, которые ожесточенно бормотала Вита.

Она подошла к станции, когда телефон принял мамин звонок. Вита быстро приготовила скупые объяснения, чтобы не вдаваться в лишние подробности: были дела, она скоро приедет — но мама не спрашивала, а сдавленным голосом сообщила:

— Викуша... минуто... меня в больницу везут.

Вита подскочила так, что шарахнулись в сторону двое прохожих.

— Куда? Что случилось?

— Не волнуйся, ничего страшного... поджелудочная... может... панкреатит. Подлечиться надо. Главное, не волнуйся. Я уже в скорой.

На поток бессвязных вопросов Наталья Борисовна ответила коротко:

— Полежу. Распустилась последнее время... — Ее голос окреп, и она добавила с горьким облег-

чением: — Видишь — само разрешилось. Квартира твоя. Теперь обязанности тоже... на тебе... смотри за ним...

Дорогой, толкаясь в переполненном метро, Вита унимала дрожание рук и твердила себе: из-за нее, из-за нее, ее вина... надо было предугадать... предчувствовать... а как иначе? Могло ведь и хуже... Она порывалась, в грохоте и колесном стуке, звонить, но не было сигнала — то у нее, то на другой стороне. Невыносимо хотелось сказать маме о решении: что ничего ей не нужно, все будет по-прежнему или иначе — с маминими условиями.

Открыв дверь, отчим уставился на нее шальными глазами, окрашенными капиллярной сетью в кровавый цвет, и Вита обнаружила, что он тоже выпил — в облегченном и более интеллигентном варианте.

— Заходи, — проговорил он требовательно, разыгрывая настоящего мужчину в затруднительной ситуации. — Знаешь? Полчаса как уехали... Заходи... вместе будем жить. — Он добавил: — Вдвоем.

Вита затравленно пригляделась.

— Нет, — сказала она, осторожно проникая в прихожую. — Я в Марьину Рошу... поеду.

— Куда поедешь? Все резкие, как я посмотрю! Я — туда... я — сюда...

Недавно Вита представляла себе существование с Павлом Сергеевичем как невыносимое счастье, но сейчас оно было запрещено категорически, и запрет от ее воли не зависел. Еще она поняла, что отчим в спутанном сознании, слова и поступки не полностью принадлежат ему, будоражащая помеха маячит в мозгу, толкая на действия, от которых он в будущем отречется, и она его побаивается... шальные глаза отталкивали... ей мнилось, у него дурное на уме.

— Нет, — повторила она твердо. — Я поеду.

— Зачем? Куда? С ума сошла?

Вита, не снимая пальто и сапог, прошла в комнату и на скорую руку, кидая тряпки и разбрасывая тетрадки, собрала вещи, сгребла деньги и необходимые документы. Отчим возник в дверном проеме.

— Сбесилась, что ли? Это твой дом. Мы... с тобой...

— Пусти меня! — пронзительно закричала Вита. Он опешил.

— Ты чего кричишь?

— Пусти меня! Все равно уйду! Я здесь не буду!..

Она вырвалась, стремглав пролетела мимо него на лестницу и побежала по ступенькам.

На поздней улице было совсем темно. Она позвонила Пете, Люсе, получила уверения, что все нормально, и немного успокоилась. Мысли сосредоточились на маме. Завтра же надо было ехать в больницу, но она не знала, что привезти — продукты, лекарства. Маневрируя, как по лабиринту, между людьми, машинами и собаками, она утомленно гадала. Если панкреатит... значит, ограничения в еде. Наверняка нельзя жирного — его при всех болезнях исключают. Копченое тоже, и жареное... Проходя мимо дорогого супермаркета, мимо полуночных любителей баночного пива, мимо бдящей полицейской машины, она заглянула в богато украшенную витрину и подумала купить мамино любимого варенья, душистого, в красивых баночках, в упаковочной бумаге — чтобы эlegantная упаковка, контрастируя с больничной обстановкой, поднимала настроение не меньше, чем сладкое содержимое.

Скоро она катила тележку по пустынному магазину, по мраморному полу, вдоль ровных стеллажей. Долго стояла у полки с изящными, заботливо укутанными баночками, перевязанными золотой

лентой, и ей казалось, что в жизнь возвращаются уют и спокойствие; что все будет хорошо, и мама обрадуется гостинцу. Она выбрала две баночки черничного варенья; помедлила и добавила смородину. Надо было подумать о себе — на объекте наверняка не оставалось ни крошки. Она ухватила пакет ряженки, отвлеклась на мягкие булочки, вытаскивала из груды два хрустящих пакета, положила в тележку и услышала насмешливый голос:

— Девушка-а... это вообще-то мое.

Вита пригляделась и, вздрогнув, обнаружила оплошность. Ее тележка стояла в стороне, а она попыталась присвоить чужую — с точно такими баночками. Поодаль стоял молодой мужчина с короткой стрижкой и корчил веселые рожи.

— Извините, — проговорила Вита смущенно, изнемогая от собственных ошибок. — Я задумалась...

Она отдала тележку и взяла свою. Мужчина, совершив обмен, сравнил содержимое и согласился:

— Точно, ряженки надо... — И укатил в молочный отдел, оставив Виту удивляться сходству

вкусов — поздно вечером, в полупустом супер-маркете.

Забрав покупки, она шагала по улице, сожалела о неожиданно ударившем холоде, смотрела на часы, прикидывая, удобно ли в такое время набрать еще раз мамин номер, и не сразу заметила, что остановился автомобиль, опустилось окно, и коротко стриженный позвал знакомым уже голосом:

— Девушка-а... а вы ряженку за завтрак берете?

— На ужин, — ответила Вита.

— Ужин какой-то получается... некалорийный очень. Или фигуру бережете?

Вита засмеялась и покачала головой. Автомобилист нагнал ее и двинулся рядом.

— А давайте вместе поужинаем? — предложил он, выглядывая из окна. — Я все диеты знаю. Накормлю — не рассердитесь...

— Нет, — сказала Вита. — Спасибо. Поздно уже.

— Что вы, время детское. Тогда давайте я вас до дома доведу...

— Мне далеко, — сказала Вита лукаво.

— Ерунда. Не страшно, покатаюсь...

Вита посмотрела на водителя и рассмеялась. Отчего-то она не боялась незнакомого человека — вероятно, из-за идентичности продуктового выбора. Человек, так похожий предпочтениями на маму, не мог сделать ей дурного. Она открыла дверцу и села.

— Куда едем? — спросил незнакомец, берясь крепче за руль, как перед ответственной работой. — В какие края?

Вита улыбнулась.

— Вообще-то близко, на соседнюю улицу.

— Так всегда, — укоризненно сказал незнакомец. — Любите вы, женщины, обманывать на ровном месте. А зачем? Я уже настроился на долгую поездку...

Он повернул за угол, и скоро, по опустевшей к ночи улице, они были на месте.

— Может, все-таки покатаемся? — предложил незнакомец. — Нет?

Он записал Витин телефон и вынул из кармана визитную карточку.

— Захочешь прокатиться — позвони...

Он помахал рукой, поднял стекло и уехал. Вита проводила его глазами. Настроение улучшилось.

Она поднялась в разоренную квартиру, где не предвиделось конца ремонту, зажгла свет в бетонной комнате. Букет, оставленный Павлом Сергеевичем, выглядел совершенно, загадочно свежим, легкий цветочный аромат перебивал запах шпаклевки и цементной пыли.

Вита села, положила пакет с продуктами, набрала мамин номер.

— Викуша, — сказал приглушенный голос. — Как ты?..

— Мама! — закричала обрадованная Вита. — Мамочка, что у тебя? Что сказали?

— Ничего, Викуша, скажут завтра. Сегодня врачей нет, поздно. Видишь, как случилось... не гожусь никуда. Как у вас, Викуша?

— Мама, не волнуйся! — захлебывалась словами Вита. — Не волнуйся, мамочка! Я в Марьиной Роще, пока тут поживу, все будет по-старому, мамочка!

— Зачем в Марьиной Роще, Викуш? Почему? Извини, мне снотворное...

— Так надо, мамочка! Не волнуйся, я приду завтра, пускают? Я расскажу, я дура, я больше никогда... Мамочка, что принести? Я купила варенье, какое ты любишь, помнишь, черничное, я принесу, тебе можно?..

Вита по еле слышному дыханию в трубке, по ритму, по родным ноткам, восстановившимся в тембре, ощутила, как мама возвращается к жизни.

— Викуш, — попросила она. — Принеси картошки вареной, с укропом. Что-то захотелось...

— Хорошо, мамочка, принесу! Лежи, ни о чем не думай!

Вита сбросила звонок. Довольно потянулась. Огляделась по сторонам. В квартире не было ни картошки, ни укропа. Даже кастрюль в квартире не было, но Виту почему-то обрадовалась и засмеялась. Потом достала подаренную визитку и медленно, не торопясь, набрала номер.

— Алексей, — проговорила она, привыкая к новому имени. — Это Вита. Ты далеко уехал? Оказалось, у меня дело, нужна помощь. Купить кастрюлю. И картошку. И укроп. И что-то еще... я вспомню. Да... буду ждать у подъезда.

Повесив трубку, она ощутила прилив сил. Вскочила и покружила по пустой комнате. Заметила мистический букет в вазе. Вытащила, отряхнула от воды, вышла из квартиры и стала с букетом спускаться вниз, на улицу.